

A close-up portrait of a man with dark hair, a beard, and intense blue eyes. He is wearing a dark blue suit jacket over a white shirt and a patterned tie. The background is softly blurred.

Татяна Ткачук

Меценат

18+

Татьяна Ткачук
Меценат
Серия «Губерния», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70136758

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда-то он потерял слишком многое и решил, что в сердце его уже не осталось места для нежных чувств. Да и какие «нежные чувства», если он слишком прагматичен, слишком целеустремлен и заточен на достижение одной задачи, которая требует холодной головы и здравого рассудка?! А смелая эмансипированная девица и вовсе ничуть не отвечает требованиям к «правильной супруге»... Но так ли всё просто? История благотворителя Демида Акатьева из романа «Земская учительница», его любви и деяний. Самостоятельный однотомник. Часть цикла «Губерния»

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Ткачук

Меценат

Предисловие

Меценат – человек, который на безвозмездной основе помогает развитию науки и искусства, оказывает материальную помощь из личных средств. Наричательное название «меценат» происходит от имени римлянина Гая Цильния Мецената, который был покровителем искусств при императоре Октавиане Августе. (*Википедия*)

Синонимы: благодетель, покровитель, заступник, благотворитель, жертвователь, филантроп, добродей, доброхот, устроитель, организатор, попечитель, опекун, поручитель, радетель, доброжелатель, ходатай, благожелатель

Глава 1

Демид отложил на деревянную полированную подставку металлическое перо и потер пальцами уставшие глаза. Перед ним лежала большая конторская книга – наемни управляющий Покровским принес ее хозяину для проверки расходов последнего месяца. Акатьев привык делать это регулярно, чтобы быть в курсе всех финансовых дел имения.

А кроме того ведь были еще дела благотворительности – сведения о них заносились в особую книгу, с подробным указанием как сумм, так и имён тех, кому данные суммы выделялись. Эту книгу Демид Макарович вёл исключительно сам, привлекая только своего поверенного, мужчину ответственного и честного, к оформлению банковских операций.

Мужчина откинулся на высокую спинку кресла, обтянутого черной мягкой кожей, и закрыл глаза, несколько раз медленно и глубоко вдохнув и выдохнув.

Первостепенные бумажные дела на сегодня закончены, и теперь, пожалуй, можно немного размяться, решил он.

Педантично положив обе книги в небольшой металлический шкафчик с хитроумным замком, именуемый новомодным английским словом «сейф», Демид Макарович покинул кабинет и через анфиладу комнат направился в свои покои, дабы переодеться для конной прогулки. В небольшой уютной гостиной у большого французского окна, обрамленного

легкими газовыми занавесями, сидела в удобном кресле матушка – Мария Архиповна. В руках она держала пяльцы с какой-то вышивкой и так была поглощена своим занятием, что не заметила появившегося сына.

Однако он решительно свернул к ней, дабы проявить сыновнюю почтительность – сегодня они еще не виделись, и следовало должным образом поприветствовать родительницу.

Когда шаги мужчины раздались уже слишком близко, пожилая дама подняла голову и, увидев сына, расплылась в мягкой улыбке:

– Демидушка! – и, воткнув в ткань иголку, заправленную изумрудной шелковой нитью, протянула ладонь.

– Здравствуйте, матушка! – мужчина бережно принял сухощавую кисть с тонкими морщинками и прикоснулся к тыльной стороне губами. – Как вы ночевали? Здоровы ли?

– Да, слава богу, все хорошо! А ты как, мальчик мой? С самого утра в трудах?

– А что поделать, маменька? – коротко улыбнулся он, выпуская из пальцев руку Марии Архиповны. – Дела не терпят небрежения!

– Ты ведь еще не завтракал, Демидушка? – прозорливо поинтересовалась женщина.

– А... А ведь и правда! – понял он. – Составите мне компанию, матушка?

– Пожалуй, – согласилась мать. Положила на маленький

круглый столик на одной ножке, стоящий рядом с креслом, рукоделие и, взяв стоящий тут же серебряный колокольчик, затрясла им.

На звук в гостиной показалась ладная женщина лет пятидесяти, одетая в скромное серое платье из плотного сукна – экономка Наталья.

– Чего изволите, барыня? – с поклоном спросила она.

– Наталья, подай-ка нам чай в малую трапезную, голубушка! А Демиду Макаровичу и завтрак. Не то совсем заморим хозяина нашего, – с улыбкой добавила женщина, бросив короткий, но полный любви взгляд на сына.

Тот ответил такой же, очень похожей на материну, улыбкой и сказал:

– Позвольте предложить вам руку, маменька!

– Изволь, милый, – пожилая дама встала и, опершись на поданную мужчиной руку, неспешно направилась в трапезную.

Вскоре мать и сын расположились за длинным прямоугольным столом в небольшой, оформленной в бежевых и кремовых тонах комнате, которая служила хозяевам столовой, когда в доме не было гостей.

Правда, последние несколько лет Акатьевы редко принимали посторонних – после того, как Анна, супруга Демиды Макаровича, скончалась в родах, шумных приемов в особняке не устраивалось.

Мария Архиповна никогда не была любительницей балов

и развлечений, а после смерти мужа и вовсе превратилась в затворницу, общаясь только с сыном да обитателями Покровского, большую часть которых составляли слуги, работающие в доме и на участке. Сын ее, принявший наследство после смерти отца, был слишком занят делами поместья и благотворительности, чтобы напрасно тратить драгоценное время на пустые балы и вечеринки, устраиваемые соседями по поместью.

Хотя и ему приходилось бывать на приемах в уездном городке, а иногда и появляться на подобных мероприятиях в губернском городе N, но такие события были обычно связаны с важными, полезными встречами, участием в различных благотворительных аукционах и тому подобных делах.

Мария Архиповна гордилась своим сыном, который после учебы в Санкт-Петербургском университете вернулся в родные края и, с благословения отца, занялся благотворительностью. И даже если, наедине с собой, иногда матушка и подумывала о том, что можно было бы меньше денег вкладывать во всё это, то потом, перекрестившись, шептала про себя, что это – дело богоугодное, и после ее «Демидушке» воздастся сторицей.

Сын всегда был серьезным, рассудительным и целеустремленным. Вот и супругу он себе нашел, руководствуясь тем, что пришло время заводить собственную семью и наследника, которому можно будет потом, когда тот вырастет, передать и своё дело, и свои капиталы, и само Покровское.

Семья их не принадлежала к старым дворянским родам.

Дед, участник войны с французами, получивший за воинские доблести дворянство и Покровское с высочайшего повеления самого государя, сумел мудро распорядиться даром. И поместье с каждым десятилетием только разрасталось и богатело, окрестная деревенька содержалась с должным тщанием, и сыну своему – отцу Демида – в наследство дед оставил крепкое хозяйство.

Анна, покойная супруга благотворителя, была робкой, тихой и внешне хрупкой. Никогда громко не смеялась, улыбалась мягко, с родителями мужа была всегда почтительной и ровной.

Отец иногда, в приватной беседе с сыном в кабинете за рюмочкой водки, даже пенял Демиду за то, что тот выбрал в спутницы жизни такую тихоню. Однако сын мягко, но решительно отвечал, что его всё устраивает, тем более что Анна Васильевна рано или поздно родит ему сына, наследника. Старый Акатьев хмыкал скептически, опрокидывал в себя горький напиток и, закусывая хрустким соленым огурчиком, говорил:

– Ну, смотри! Тебе с ней жить!..

Демид на это только многозначительно улыбался. Когда подтвердилось, что Аннет ждет ребенка, Акатьев окружил супругу еще большей заботой и вниманием, сдувал с нее пылинки, с внутренним трепетом представляя, как возьмет на руки своего новорожденного сына.

Не сложилось. Не взял. А всё потому, что хрупкая жена, сутки промучившись, так и не смогла разродиться, и ребенок, задохнувшись в утробе, появился на свет уже мертвым.

Демид за эти сутки почернел от горя, смотрел на окружающих сухими пустыми глазами и, когда стало ясно, что беды не избежать, замкнулся в себе, замолчал. Он как будто находился где-то совсем в другом месте, не слыша вопросов, обращенных к нему, не видя никого...

Матушка плакала, отец успокаивал ее и занимался похоронами невестки и внука, а потом, переговорив с женой, вызвал сына в кабинет и почти насильно завалил его делами, стремясь хотя бы так растормошить единственного отпрыска.

После похорон Акатьев-младший с новым пылом принялся за дела, точно старался скрыться в них от действительности. Родители только покачивали головами, понимающе переглядываясь, но ничего не говорили горяющему сыну.

Это случилось шесть лет назад. А три года назад тихо, во сне, ушел и старший Акатьев. С тех пор Демид Макарович остался единственным близким человеком для своей матери...

Они жили душа в душу, Демид всегда был почтительным и любящим, а теперь и вовсе, после смерти отца, взвалил на свои плечи все заботы о поместье, небольшой деревеньке Покровке, лежащей в трех верстах от господской усадьбы, и полях, раскинувшихся на его земле. Была еще неглубокая

речушка Вилюйка, получившая свое название за извилистое русло, да пара рощ, в которых водились грибы, ягоды, да рос орешник.

В самом Покровском была, как водится, и конюшня, в которой содержались несколько лошадей – тех, которых впрягали в колёсный экипаж или сани, и рабочих – на которых пахали и перевозили грузы. Конечно, за ними ухаживали специально выделенные работники, которым теперь, более десятка лет после официальной отмены крепостного права, полагалось платить жалованье.

Демид Макарович, будучи человеком умным и прогрессивным, это отлично понимал и заботился о людях, зависевших от него. Покровка была небольшой деревенькой, однако, и тут было множество подрастающих крестьянских детишек, и Акатьев, по примеру своих соседей из Гурьева, тоже организовал в просторной крепкой избе школу, в которую пригласил учителя – мужчину средних лет, приехавшего вместе с женой и маленьким сыном из уезда.

Теперь вот у него была еще одна задумка – открыть в Покровке небольшую лечебницу, в которой практиковал бы дипломированный доктор. Конечно, в деревне была знахарка, бабка Степанида, да повитуха Ефросинья, да только по нынешним временам, когда прогресс шел семимильными шагами и заявлял уже о себе даже в такой провинции, как Покровское, этого для Акатьева было явно недостаточно.

Он, конечно, некоторое время тому назад сделал запрос

на доктора, однако ответа из губернии пока так и не получил, и его крестьянам приходилось в серьезных случаях ездить всё в то же Гурьево.

Однако специальный дом для лечебницы нанятые плотники начали строить этой весной, и сейчас работа кипела всю – уже были поставлены бревенчатые стены. Еще немного – и можно будет возводить крышу.

Вот и сегодня Демид собирался после завтрака наведаться верхом на Буйном в Покровку, чтобы проверить, как идет стройка, а затем и прогуляться по окрестным полям, принадлежавшим Акатьевым.

Май в этом году выдался теплым и ласковым, и уже на второй неделе установилась прекрасная погода, позволявшая его арендаторам в полной мере приступить к обработке своих наделов.

За завтраком сын сообщил Марии Архиповне о своих планах, на что дама благосклонно покивала седой головой, неизменно убранный в аккуратную прическу:

– Конечно, Демидушка! Погода дивная стоит – отчего ж не прогуляться!

– А вы, матушка? Не желаете прогуляться? Я прикажу запрячь лошадь в ландо, – сказал он.

– Пока не надобно, сын, – мягко отказалась женщина. – Я, пожалуй, лучше пройду по саду да почитаю ту книгу, что ты мне недавно привез... Как бишь её?

– «Захудалый род» господина Лескова? – спросил Демид,

припоминая.

– Да-да, она самая! – обрадовалась мать.

– Что ж, как пожелаете, маменька! – улыбнулся сын и оставил чайную чашку. – Благодарю за завтрак! Пожалуй, мне пора!

– С богом, сынок! – напутствовала Мария Архиповна и перекрестила мужчину.

Тот встал со своего места и, подойдя к матери, наклонился и поцеловал ее в лоб, после чего быстрым шагом направился к себе.

У высоких двустворчатых дверей покоев навстречу ему поднялся невысокий жилистый мужичок неопределенных лет, облаченный в ливрею личного слуги:

– Господин?..

– Иван, носи костюм для верховой езды. Да вели запрягать Буйного! Я еду в Покровку!

– Слушаюсь, барин! – поклонился мужичок.

Быстро принес из гардеробной требуемую одежду и ушел на конюшню, передать распоряжение хозяина.

Демид первым делом направился в ванную комнату. В особняке уже около трёх лет назад был проведен водопровод, снабженный хитрой системой нагрева воды, поэтому слугам не приходилось надсажаться, таская ведра с водой, когда господа изволили принимать ванну. Вот и сейчас, стоило только повернуть вентиль начищенного до зеркального блеска медного крана, как оттуда хлынула вода, а нехитрые манипуля-

ции позволили быстро отрегулировать нужную температуру. Переведя рычажок на верхний разбрызгиватель, Демид с удовольствием встал под приятные упругие струи и принялся намыливать тело душистым мылом, которое варили здесь же, в усадьбе.

Вскоре он уже был бодр и свеж и, вытершись большим полотенцем, облачался в чистую одежду.

Появившийся Иван доложил, что все готово к поездке, и, захватив тонкие лайковые перчатки и шляпу, Акатьев направился на конюшню, где его встретил уже похрапывающий от нетерпения Буйный, косящий влажным лиловым глазом на хозяина.

Угостив жеребца припасенными для этого сухариками, Акатьев вскочил в седло и направил скакуна к выходу.

Глава 2

Вначале он, как и планировал, направил скакуна по дороге, ведущей в Покровку. И с удовлетворением отметил, подвезжая к строящейся лечебнице, что работа кипит, а работники не отлынивают от дела. Завидев хозяина, мужики начали кланяться, но Акатьев остановил их взмахом руки и, соскочив с коня, подошел ближе:

– Здорово, мужички! Работа идет?

– Идет, барин! – степенно отозвался старший мастер, снимая картуз и оглаживая густую седоватую бороду. – Отчего ж ей не идти, коли материалы все имеются, да и рук рабочих хватает!

– Вот и ладно! – кивнул Демид Макарович, стаскивая перчатки. – А проводи-ка ты меня, Кузьмич, внутрь, посмотреть хочу, что вы уже успели сделать.

– Извольте, барин, Демид Макарович! Мы попусту время не теряем! – с затаенной гордостью отозвался мастеровой.

Мужчины поднялись по трем широким ступенькам крыльца, еще не огражденного перилами, и оказались в просторном помещении. Акатьев втянул приятный запах ошкуренных бревен, одобрительно пробежался внимательным взглядом карих глаз по стенам, оконным проемам, в которых еще не было рам: в будущем окна будут давать довольно света.

– Барин, – покашляв, дабы привлечь внимание хозяина, начал Кузьмич. Демид повернул к нему голову, и мужик продолжил. – А что, скоро ли к нам направят земского доктора?

– Дешешу с запросом я в губернию отправил, теперь жду ответа, – ответил молодой мужчина. – Да вы не переживайте. Все равно добьюсь, чтобы в Покровке появился настоящий доктор, – обнадежил он плотника. – Все равно пока лечебница не готова...

– Вот оно и ладно будет, – согласился тот.

– Думаю, скоро кровлю возводить можно будет, – оценив высоту возводимых стен, заключил Акатьев.

– Да, теперь уже скоро, барин, – подтвердил Кузьмич. – Еще три венца, и можно будет стропила ставить!

– Хорошо, – кивнул Демид и направился к выходу, роль которого пока выполнял простой проем в стене.

Это уже потом, когда будет готова крыша, плотники примутся за изготовление окон и дверей. Пока же это был только каркас, который в дальнейшем превратится в крепкое добротное здание.

Кузьмич поспешил за ним. Демид похвалил работу мастеров, натянул перчатки, вскочил в седло и, попрощавшись с мужиками, направил Буйного по дороге, проходившей через всю Покровку и ведущей дальше, на соседские земли.

День был теплый, солнечный, и Акатьев решил не лишать себя удовольствия осмотреть поля, проверить озимые всходы и проехаться дальше, вдоль берега Вилюйки, по берегам

которой в это время года уже вовсю начинали цвести дикие яблони, и их тонкий приятный аромат издали приветствовал путников.

Демид пустил коня шагом, наслаждаясь прекрасной погодой, полной грудью вдыхая свежие ароматы природы. Верба давно отцвела, уступив место яблоням и калине. А еще через месяц-полтора эти места будут благоухать дивным ароматом липы. Демид вдруг, ни с того, ни с сего, вспомнил, что покойная супруга Анна Васильевна обожала липовый аромат. Сейчас же липы вдоль берега Вилюйки лишь выпускали тонкие нежные листочки, так что казалось, будто легкое прозрачно-изумрудное облачко окутывает каждое дерево.

Демид натянул поводья, заставляя коня ускориться. Дорога шла дальше через небольшую рощу и поднималась на пологий холм, в незапамятные времена появившийся здесь вследствие движения почвы. Акатьев взлетел на вершину холма и позволил жеребцу самому выбрать скорость движения.

И в это самое время из-за поворота дороги навстречу ему показалось странное сооружение. Приглядевшись, Акатьев узнал в нем новомодное изобретение, которое ему уже доводилось видеть на улицах губернского города. Называли это сооружение «велосипед». Но не это удивило Демиду Макаровича, а то, что управляла велосипедом женщина, судя по всему, дама, а не крестьянка – ее одежда выдавала представительницу не простого сословия. Дама была в шляпке с раз-

вевающейся за спиной вуалью и амазонке с юбкой необычного кроя, но весьма удобной для такого транспорта.

Всё это Акатьев успел углядеть за какой-то краткий миг, приближаясь к наезднице на необычном транспорте. Но дело в том, что и незнакомка заметила несущегося навстречу всадника на крупном вороном скакуне. И то ли испугалась, что они могут столкнуться, не разъехавшись на не слишком широкой проселочной дороге, то ли растерялась, но только руль в ее руках, соединенный с высоким передним колесом, заходил ходуном, а затем, видно, налетев на какую-то колдобину, дёрнулся, и незнакомка, перелетев через него, с размаху грянулась на твердую, укатанную колесами телег и возков дорогу.

Акатьев обмер, а через мгновение ударил Буйного пятками в бока и ринулся к даме, испугавшись, как бы она не потеряла сознание.

Остановив коня, он бросил поводья, соскочил на землю и подбежал к незнакомке, которая, к его великому облегчению, глухо застонала, а потом, опершись ладонями в пыльную землю, попыталась подняться. Демид подскочил к ней и, осторожно придерживая, спросил:

– Сударыня, вы целы? Осторожнее, не делайте резких движений!

Незнакомка, коей оказалась совсем молодая девушка, на вид лет двадцати с небольшим, подняла на него необычного оттенка зеленые глаза, и Акатьева словно пронзила острая

молния – так поразил его этот взгляд. Он замер на долгие секунды, а затем мотнул головой, точно избавляясь от наваждения, и повторил:

– Сударыня, как вы себя чувствуете? Где-то болит?..

– М-м-м... Я, кажется, поранила руки, – медленно произнесла девушка, морщась, и уставилась на свои мелко подрагивающие ладони, на которых сейчас было несколько кровоточащих ссадин, испачканных в дорожной пыли.

– Простите, что так получилось, мадемуазель, – виновато произнес Демид и, поднявшись, потянул девушку вверх, помогая ей встать на ноги. Она зашипела сквозь зубы – видимо, при падении ударилась и коленями. Об этом говорили пыльные следы на длинной бархатной юбке. – Позвольте сопроводить вас! Вам необходимо обратиться к доктору! Ранки на ладонях обязательно нужно промыть и обработать! К сожалению, земский доктор есть только в...

– В Гурьеве – подхватила она. – Да, я знаю! Но вам не следует беспокоиться – я доберусь сама! Я знаю, где это!

– Нет, сударыня, – спокойно, но твердо, возразил мужчина. – Сама вы не доберетесь. – Во-первых, ваши ладони поранены, а во-вторых, смотрите, при падении колесо получило повреждение. Вы все равно не сможете сейчас ехать на нем!

– И что же мне делать? – в ее глазах мелькнула растерянность, а губы задрожали.

– Я отвезу вас в Гурьево на коне, а ваш... – он на мгнове-

ние запнулся, но почти сразу же продолжил, – ...велосипед мы спрячем в кусты, а затем я вернусь и доставлю его вам, куда скажете.

– Ах, нет, не стоит, сударь! Я и так отняла ваше время! Я просто попрошу кого-нибудь из гурьевских, они на телеге привезут велосипед ко мне...

– Вы уверены, сударыня? – с сомнением посмотрел на нее Акатьев.

– Да, конечно! А чтобы легче было найти его в кустах, привяжем на ветку мою вуаль, – она решительно дернула полупрозрачную ткань, и та с лёгкостью отделилась от шляпки, которая после всех перипетий ее владелицы сидела на голове довольно криво, но девушка, кажется, не обращала на это никакого внимания. – Прячьте велосипед, сударь, а потом я привяжу вуаль...

– Я сам привяжу, – сказал мужчина, беря в обе руки довольно тяжелую конструкцию из руля, рамы, седла и двух колес с тонкими блестящими спицами, одно из которых – переднее – было значительно большего диаметра, нежели заднее. И, едва сдерживаясь, чтобы не закричать от веса велосипеда, потащил его в ближайшие от дороги кусты. Выбравшись оттуда, он протянул руку. – Давайте вашу вуаль, сударыня! Вам следует побереечь руки!

Девушка, не переча, подала ему клочок невесомой ткани, и Акатьев закрепил вуаль на ветке так, что ее хорошо было видно с дороги.

– Ну, вот! А теперь едем к доктору, сударыня!

Они подошли к всё это время спокойно стоящему на месте Буйному, и умное животное потянулось мордой к незнакомке. Девушка застыла на месте, широко распахнув изумрудные глаза, и Демид, усмехнувшись про себя, достал из кармана сюртука пару оставшихся там сухарей:

– Угостите его, мадемуазель! Это Буйный!

– Он, и впрямь, такой?! – пролепетала девушка, не двигаясь с места.

– Нет, он взрослый воспитанный конь и никогда не позволит себе недостойно вести себя с дамой! Держите же! Этот жеребец любит полакомиться сухарями!

Девушка осторожно взяла тонкими пальчиками сразу оба сухарика и с опаской протянула его животному. Тот тихо фыркнул и деликатно, одними губами, взял угощение с ладони незнакомки, вызвав у нее негромкий вскрик.

– Не пугайтесь! Он не обидит вас!

Конь довольно захрустел лакомством, а Акатьев без лишних слов обхватил тонкую талию девушки обеими ладонями и в одно движение посадил ее боком на коня перед седлом. Та взвизгнула от неожиданности, но мужчина уже вставил носок сапога в стремя и, словно птица взлетел в седло, оказавшись позади девушки:

– Вот так! Не бойтесь, сударыня! Держитесь вот здесь! – и осторожно положил ее руки на переднюю луку седла.

– Ох, я... – смутилась девушка, однако Акатьев уже при-

шпорил коня и натянул поводья, отправляя скакуна в нужном направлении.

Через полчаса они уже въезжали в Гурьево, и Демид, который ранее неоднократно бывал здесь по делам благотворительности и в школе, и в деревенской лечебнице, уверенно направил Буйного прямо к нужному зданию.

Там, остановившись неподалеку от крыльца, спрыгнул сначала сам, а затем уже протянул руки своей спутнице и аккуратно спустил ее на землю.

– Ну, вот, мы и на месте! Мне сопроводить вас, сударыня?

– Нет, не стоит! Благодарю вас за помощь! – смутилась снова она.

– Но если бы не я, вы бы не попали в неприятность, – заметил он.

– Никто не виноват в том, что произошло, – покачала она головой, и несколько рыжеватых локонов, выбившихся из-под шляпки, качнулись раз и другой из стороны в сторону, привлéкши к себе внимание Акатьева. – Что ж, я, пожалуй, пойду! Прощайте, сударь, и спасибо вам за помощь!

– Не стоит благодарности, мадемуазель, – ответил он и, проследив, как девушка легко взбежала на крыльцо и скрылась за крашеной деревянной дверью, вернулся к жеребцу и, вскочив в седло, поскакал по дороге в направлении, ведущем в Покровское.

И уже преодолев половину пути, вдруг осознал, что они с девушкой так и не представились друг другу.

Глава 3

Прошла неделя, заполненная самыми разнообразными делами. Акатьев контролировал стройку, ездил в уезд – то в банк, то на встречи с теми, кто остро нуждался в его финансовой помощи. Каждый раз неизменно привозил матери маленькие, но трогательные презенты: то коробку пирожных из самой популярной кондитерской, то новую, только что вышедшую из печати книгу, то дамский модный журнал из самого Парижа, уже появившийся в книжной лавке купца Самородова, то еще какой-нибудь милый пустячок. И каждый раз на сердце теплело, когда он видел, как по-детски непосредственно и трогательно принимает пожилая дама знаки сыновней любви и внимания.

Между тем, май подходил к концу, уступая дорогу ненавязчиво, но уверенно обретавшему свою власть лету. В один из таких дней Демид Макарович сидел в кабинете, разбирая доставленную почту, сортируя письма, привезенные почтовой каретой, которая дважды в неделю курсировала по окрестностям. Писем было довольно много, и, в первую очередь, следовало решить, какие из них наиболее важные и требуют первостепенного внимания известного мецената.

Сейчас на столе перед мужчиной лежали две, разительно отличающиеся друг от друга стопки корреспонденции. Одна, довольно высокая, содержала письма с просьбами, которые,

однако, могли еще подождать ответа – время позволяло. В другой же находились послания, ответить на которые нужно было срочно.

И в этой кучке корреспонденции находилось письмо от поверенного, ведущего банковские дела Акатьева. Мужчина углубился в изучение писем. Сообщения эти полностью поглотили внимание Акатьева, так что сначала он не услышал деликатного стука в дверь кабинет. Лишь когда тот повторился с бóльшей громкостью и настойчивостью, Демид вернулся в реальность и крикнул:

– Входите!

Одна створка двери приоткрылась, впуская Маркела Куприяновича – управляющего именем, неизменного и верного помощника в делах еще отца Демиды. Седой мужчина в строгом черном сюртуке, одетый всегда с неизменной опрятностью и тщательностью, вошел, держа в руке картонную папку с завязками, и, слегка поклонившись, доложил:

– Демид Макарович, доставили еще письма!

– А разве сегодня должна быть почтовая карета? – с удивлением посмотрел на него хозяин кабинета.

– Нет, сударь. Это привёз мальчишка-посыльный из Гурьева, – с достоинством ответил старый слуга.

– Из Гурьева? – недоуменно переспросил он. – Что ж, давайте, Маркел Куприянович. Спасибо!

Управляющий степенно подошел и, дернув завязки папки, раскрыл ее, извлекая на свет прямоугольный конверт.

Положил письмо на массивный письменный стол и, словно раздумывая над чем-то, остановился рядом.

– Что-то еще? – поинтересовался Демид, заметив эту его заминку.

– Так... Мужики уже спрашивают... Про машину ту хитрую, жатку...

– И что спрашивают? – невозмутимо спросил Акатьев.

– Интересуются, позволите ли вы и в этом году воспользоваться ей для уборки пшеницы с общинных наделов?

– Так еще не выросла толком пшеница-то, – хмыкнул Демид. Но он прекрасно понимал беспокойство крестьян. – Ладно, скажи, пусть не беспокоятся! Дам я им жатку, но только после того, как будут убраны мои поля. Так что только от них и зависит, как скоро они получают механизм.

– Спасибо, Демид Макарович! – с облегчением в голосе произнес управляющий. – Ну, я им так же и говорил. Но вы же их знаете!..

– Знаю и прекрасно понимаю, Маркел Куприянович! – цепко посмотрел на него молодой мужчина.

– Вот я и говорю, сударь: повезло покровским с вами! – поспешил добавить управляющий. И заторопился. – Что ж, не смею более отвлекать вас!

– Хорошо, ступайте, Маркел Куприянович, – отозвался Акатьев, а пальцы уже сами тянулись к оставленному на лакированной поверхности стола письму.

Управляющий вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь,

а Демид хмыкнул, привычным жестом поглаживая короткую темную бородку. Он всегда так делал, стоило немного углубиться в свои мысли – давняя привычка, появившаяся еще с тех пор, когда он был студентом университета и корпел над лекциями профессоров.

Жатка, или правильнее, очесывающая жатка, была его закономерной гордостью и предметом зависти многих соседей по поместью, наряду с водопроводом, который был обустроен в господском доме еще при жизни Макара Осиповича, отца. Жатку же Акатьев-младший приобрел несколько лет назад у изобретателя, господина Власенко, Андрея Романовича, побывав на промышленной выставке в Тверской губернии. Активно интересующийся всяческими полезными для жизни изобретениями, Демид не смог пройти мимо действующего образца машин, которые убирали только зерновую часть урожая.

Власенко оказался агрономом и вместе с помощниками привез на выставку уборочную машину, которую пафосно именовал «Конная уборка на корню». Агрегат состоял из косилки, транспортирующих устройств и молотилки и, по словам изобретателя, был в двадцать раз производительней ручного способа уборки хлеба и в восемь раз превышал производительность американской жнейки «Маккормик». Машина тянулась двумя лошадьми и управлялась одним человеком. Вот это-то и привлекло внимание Акатьева: одна такая машина позволяла высвободить десятки рабочих рук

крестьян, по прадедовской традиции, выходявших на поля с серпом.

Мужчины ударили по рукам, и жатка была в тот же день отправлена в Покровское. Там для хранения ценного механизма даже пришлось построить специальный сарай, но оно того стоило, в чём тем же летом убедился счастливый владелец жатки.

Годом позже, пробегая глазами свежий выпуск «Губернских новостей», Акатьев прочитал, что подобную машину создал еще один «Левша», но уже в Самарской губернии. А какое-то время спустя узнал, что эти два господина пытались наладить и промышленное производство машин, однако, несмотря на коллективное ходатайство известных учёных и землевладельцев, Министр земледелия России в изготовлении механизмов изобретателю отказал.

Прочитав об этом всё в тех же «Губернских новостях», Акатьев только головой покачал. Но у него-то жатка уже была, давая возможность его людям с минимальными потерями собирать зерно с полей, так что излишки его даже удавалось с выгодой продавать.

...Все эти воспоминания мгновенно пронеслись в голове Демида Макаровича, однако письмо из Гурьева ждало своего часа, и мужчина, взяв с письменного прибора небольшой костяной нож для разрезания бумаг, вскрыл конверт. Вчитался в витиевато написанные каллиграфическим почерком школьного учителя строки.

Да, как он и предполагал, тамошний учитель, заменивший в свое время милую Варвару Степановну Гурьеву (*главная героиня романа «Земская учительница»*), обращался с просьбой снова, как и прежде, помочь школе с приобретением необходимой канцелярии и запасов мела. Насколько Демид знал, с наступлением лета учеба в школе приостанавливалась, однако рачительный Николай Александрович не пускал на самотёк сам учебный процесс и предпочитал делать всё заранее, дабы потом ничто не отвлекало его от работы.

Что ж, просвещение – дело богоугодное, так же как и медицина. Демид был в этом твердо уверен. Помочь вот таким вот мелким земским школам он вполне в состоянии. Поэтому нужно будет съездить в Гурьево и встретиться с учителем лично. Так Акатьев и решил.

Но сначала обед! Наверняка маменька уже распорядилась накрывать на стол, и скоро его позовут в столовую.

И снова он оказался прав!

Едва Демид Макарович с наслаждением потянулся, разминая затёкшие от долгого сидения за столом мышцы, как раздался осторожный стук в дверь. Это была экономка, передавшая хозяину приглашение матушки к трапезе. Акатьев поблагодарил и, оставив письмо на столе, направился обедать.

Глава 4

За обедом Демид сообщил матери, что ему нужно будет уехать по делам. Мария Архиповна покивала головой, что всё поняла, и завела разговор о том, что с наступлением июня из губернского города вновь на летние вакации придут в свое поместье «Крепкие Дубки» Бортниковы. Это были еще одни соседи Акатьевых, но земли их располагались в другой стороне, нежели Гурьево.

Семейство с четырьмя детьми, приезжая на лето в деревню, не прекращало активной светской жизни, устраивая званные обеды для окрестных дворян, танцевальные вечеринки, охотничьи выезды и прочие развлечения. Акатьева с матушкой туда тоже неизменно приглашали, однако, побывав однажды на одном из таких приемов, мать и сын дали себе зарок больше там не появляться. Слишком шумно, слишком суетно. А ни Мария Архиповна, ни ее сын шумных сборищ не любили.

Вот и сейчас пожилая дама выразила мысль, что в этом сезоне они тоже получат приглашение от Бортниковых.

– Вы знаете, маменька, как я ко всему этому отношусь, – сказал Демид, но тут же добавил. – Впрочем, вы можете развеяться, съездить к ним, пообщаться с соседями!..

– Посмотрим, Демидушка! Может быть, нынче никакого приглашения от них и не последует...

Сын только неопределенно пожал широкими плечами, и мать невольно залюбовалась своим ребенком. Демид, и правда уродился ладным да складным – высокий, темноволосый и кареглазый, с прямым носом и выразительными губами, полускрытыми аккуратно подстриженными усиками. Обрамляющая скулы и подбородок короткая бородка придавала ему вид солидный и серьезный, не скрывая, однако, мужской привлекательности лица. А искренняя улыбка превращала Акатьева в настоящего красавца. Вот только улыбался он довольно редко, особенно после кончины супруги и младенца. Чаще же хмурил густые брови, размышляя над делами, требующими его неотложного участия.

Вот и сейчас он, закончив трапезу, встал из-за стола, подойдя к матери, поцеловал ее руку и, сказав, что пора ехать по делам, покинул столовую.

Пожилая дама только тихо вздохнула, провожая сына светло-голубыми глазами. Как бы она хотела, чтобы ее мальчик выбрался, наконец, из той скорлупы, в которую сам себя затянул после смерти Анны, и огляделся вокруг. Ведь он еще молод – нет и тридцати шести, и вполне мог бы жениться на какой-нибудь милой девушке, которая составила бы его счастье и родила ему детей.

Не раз мать намекала Демиду на это, но он только отмалчивался, видимо, не желая беречь старую душевную рану, которая еще жила где-то в глубине его души.

Тем временем сын ее, дождавшись, пока конюх запряжет

в открытый легкий экипаж каурую лошадку, отправился в Гурьево. Проезжая по холму, где в прошлый раз он практически столкнулся с молодой незнакомкой, машинально отметил, что от легкой вуали, привязанной им собственноручно на куст, растущий у дороги, не осталось и следа. Из чего мужчина сделал вывод, что и велосипед девушки тоже забрали.

А потом его мысли перескочили на другое: интересно, кто была та девушка. Явно не из простых. И само лицо, и одежда ее, да и наличие столько недешевой игрушки, как всё набирающее в последние годы популярность изобретение немецкого профессора Карла фон Дрез и названное им «машиной для бега», говорили об этом. Как человек, интересующийся каждым новым доказательством безграничности человеческой мысли и свидетельством технического прогресса, Акатьев, конечно же, слышал о велосипеде, как знал и то, что небогатым людям он недоступен, из-за изрядной цены на каждый отдельный экземпляр.

Читал он в газетах и о том, что ставшее очень популярным изобретение постоянно совершенствовалось, а около десяти лет тому назад, благодаря доработкам какого-то австралийца стало более безопасным, так что даже хрупкая барышня могла смело управлять им без вреда для своего здоровья. В том случае, конечно, если на ее пути не встречался раздражающий фактор в виде незнакомого наездника, хмыкнул про себя Демид, вспомнив их фееричную встречу на холмистой

дороге.

Что ж, значит, барышня из далеко не бедной семьи. Возможно, гостья, приехавшая к обитателям Гурьева, какая-нибудь родственница старой графини. Но, опять же, Демид не слышал, чтобы хозяева имения появлялись в родовом гнезде. Уже второй год пошел с тех пор, как внучка и единственная наследница графини Гурьевой, прелестная Варвара Степановна столь неожиданно для Акатьева оказалась супругой князя Зарицкого и была вместе с сыном и бабушкой увезена мужем в губернский город N. Демид с тех пор изредка с тихой грустью вспоминал, каким неприятным известием для него это стало. Несмотря на наличие у девушки крошечного сына, он готов был на то, чтобы предложить ей свое сердце, фамилию и все свои капиталы. Однако Варенька, с присущей ей мягкостью и деликатностью, дала понять, что не рассматривает Акатьева в качестве потенциального супруга. Он еще на что-то надеялся, думал, что здравомыслящая девушка поймет, что он – лучшая партия для нее. До того момента, когда увидел в пустом школьном классе этого щеголя – Зарицкого. И только тогда понял, что всё это время в нежном сердечке Вареньки жил именно этот мужчина.

Судьба снова отбирала у него призрачный шанс на счастье. И Акатьев смирился с этим, решив, что ему так и быть в этой жизни одиноким вдовцом.

За размышлениями Демид Макарович и не заметил, что почти приехал. Встрепенулся лишь тогда, когда в поле зре-

ния его показались первые избы Гурьева. И натянул поводья, направляя лошадь к школьной избе.

Однако там было пусто – уроки уже закончились. Что ж, придется ехать домой к учителю Волкову. Правда, как его найти, пришлось порасспросить у деревенского мужика, идущего куда-то по своим делам с деревянным колесом на плече.

Остановив его, Акатьев осведомился, где живет учитель, и получил пространный ответ крестьянина с указанием взмахом руки направления, куда следует двигаться. Поблагодарив, мужчина направился туда и вскоре оказался у небольшого, но крепкого домика, огороженного низким палисадником, образующим маленький дворик.

Видимо, хозяин увидел в окно подъехавшее ландо, потому что Демид едва успел выбраться из экипажа, как на крыльце появился сам учитель – худощавый молодой человек в одной рубашке и жилете, без сюртука, с закатанными до локтей рукавами. Николай Александрович был белокурым и голубоглазым, довольно приятной наружности.

Увидев подходившего к калитке посетителя, Волков расплылся в приветливой улыбке:

– Господин Акатьев! Рад видеть вас! Вы, очевидно, получили мое письмо?

– Да, верно, господин Волков! Вчера доставили. Я подумал, что вопросы, изложенные в вашем письме, требуют личного разговора, и приехал в Гурьево. В школе, правда, вас не

оказалось, поэтому я набрался смелости подъехать прямо к вашему дому, – объяснил Демид.

– О, приношу извинения за то, что доставил вам излишние хлопоты, – произнес учитель, но приехавший остановил его движением руки.

– Не стоит, Николай Александрович! Я привык работать именно так, поэтому никакого труда приезд к вам мне не составил – напротив, с удовольствием прокатился по окрестностям: погода нынче прекрасная!

– Да, вы правы, сударь! Май в этом году стоит невероятный! Дай бог, чтобы и лето было таким же! – поддержал Волков.

– Ну, будем надеяться, – кивнул Демид.

Он уже хотел было предложить учителю заняться решением именно тех вопросов, ради которых он приехал, когда на крыльце раздался быстрый стук каблучков, и из дома показалась молодая девушка. Акатьев едва перевел взгляд в ту сторону, и брови его поползли вверх от удивления: на крыльце стояла та самая незнакомка, о которой вот только совсем недавно думал мужчина по дороге в Гурьево.

Девушка же легко сбегала по ступенькам на посыпанную мелким песком узкую дорожку и воскликнула:

– Николенька, я спешу! Василий Потапович уже ждет меня! Пробуду там какое-то время! Не теряй меня!..

И тут она заметила постороннего и, кажется, тоже очень удивилась, узнав в нем своего спасителя. Но автоматически

прошагала по направлению к мужчинам и, приостановилась, глядя на незнакомца.

Николай Александрович поспешил сказать:

– Ирина, позволь представить тебе господина Акатьева, известного филантропа и благотворителя нашей губернии! Демид Макарович, прошу познакомиться: моя сестра, Ирина Александровна!

Акатьев поклонился, ожидая, когда девушка протянет ему руку для поцелуя, но она лишь кивнула и произнесла:

– Здравствуйте, господин Акатьев! Приятно познакомиться!

И тут же снова обратилась к брату:

– Я пойду, Николенька! Должна оставить вас, господа – спешу!

И упорхнула, обогнув мужчин. Демид успел только охватить быстрым взглядом светлое муслиновое платье в мелкий цветочек, с прикрывающими локоть рукавами и скромным декольте, открывающим лишь хрупкие ключицы. Светло-рыжеватые волосы барышни прикрывала маленькая соломенная шляпка с цветами и узкими лентами, кокетливо сидящая на скромной и строгой прическе. Однако же, одинокий тоненький локон выбился из-под шляпки и спускался вдоль нежной линии скул, придавая строгому облику сестры учителя какой-то игривый оттенок. Он проводил глазами скрывшуюся за поворотом улицы девушку и посмотрел на Волкова:

– Ваша сестра?..

– Да, Ирина не так давно приехала ко мне погостить, – ответил тот.

– Кажется, ваша сестра довольно эмансипированная барышня, – заметил Демид.

– О, – рассмеялся учитель. – Это вы о том, что Ирина раскатывает по окрестностям на велосипеде?! Уже наслышаны об эксцентричной барышне?

– Имел удовольствие видеть сие новомодное средство передвижения собственными глазами. Но девушка упомянула имя Василия Потаповича?

– Да, недавно сестра умудрилась упасть со своего велосипеда и поранила ладони. Какой-то добрый человек доставил ее к лечебнице, потому что переднее колесо было ненадежно испорчено и требовало основательного ремонта. А там моя неугомонная сестрица познакомилась с нашим доктором и вызвалась помогать ему. Вы знаете, что доктор наш уже не молод, и дополнительные руки ему не помешают.

– Но чем ему может помочь нежная барышня? – недоуменно спросил Акатьев.

И снова услышал веселый смех собеседника:

– О, не заблуждайтесь, сударь! Ирина, несмотря на всю ее кажущуюся внешнюю хрупкость, очень целеустремленная и решительная особа. Сестра весьма упряма, и если что-то взбредет в ее прелестную головку, ни за что не отступится от намеченного! Вы знаете, а ведь она окончила курсы се-

стер милосердия, как наш отец ни сердился на нее за самовольство! А потом работала в губернской лечебнице помощницей врачей! Ей даже приходилось самой ставить больным уколы и делать перевязки!

– О!.. – только и воскликнул Акатъев, изумляясь про себя.

Так вот она какая – незнакомка на велосипеде, с которой однажды довелось ему пересечься на безлюдной дороге!

А Волков, меж тем, с затаенной гордостью говорил:

– Конечно, Ирина получила всё необходимое воспитание и образование, которое положено благородной барышне, у нее были гувернантки, обучавшие сестру манерам и языкам, она и на фортепьяно играет! Но ее живой натуре всегда было этого мало! С самого детства сестрица стремилась к новому. Вот и с этим велосипедом так получилось. Едва узнала о нем, а еще и в газете прочитала...

– Ваша сестра и газеты читает?! – поднял темные брови Демид Макарович. Поистине, сегодня день откровений для него!

– Читает! – усмехнулся по-доброму учитель. – Едва немного повзрослела, начала таскать у отца из кабинета те, которые он уже прочитал. И ведь вот хитрюга! Потихоньку утаскивала из стопки те, которые отец уже точно не будет перечитывать! Брала из середины, чтобы он ничего не заметил! О! – вдруг спохватился он. – Простите, господин Акатъев! Что-то я разболтался! А ведь у вас наверняка много дел! Задерживаю вас!

– Может, мы обговорим все наши вопросы в школе? Прямо на месте? – предложил Демид, и Волков с готовностью подхватил его предложение.

Мужчины сели в экипаж и проехали в школу, где еще целый час обговаривали все подробности помощи, которая требовалась гурьевской школе в этот раз.

Глава 5

Между тем, весна подошла к концу. Началось лето. Июнь выдался жарким. Дожди обычно шли по ночам, смачивая землю, а днем земля стремительно просыхала под лучами жаркого солнца, щедро льющего свое сияние на крестьянские поля.

Матушка оказалась права: в середине июня в свое имение приехали Бортниковы. Как всегда, шумной многочисленной компанией – с детьми, слугами, друзьями и родственниками. Прошел слух, что в господском доме снова готовится большое празднество, приуроченное к юбилею хозяина. Мария Архиповна ничего не говорила сыну, но в глубине души ждала, что соседи пришлют им с Демидом приглашение на торжество, и даже уже обдумывала, какой подарок в этом случае пристойно будет вручить юбиляру.

У сына же ее были свои заботы и хлопоты, связанные как с землей, так и с поместьем. Демид надумал провести в доме то, что называли модным ныне словом модернизация: старую печь в большой гостиной заменили камином, все остальные дымоходы прочистили, кое-где обновили кладку, но самое главное – начитавшись «Промышленного вестника», который вот уже несколько лет неизменно выписывал Акатьев, он решил значительно реорганизовать систему отопления в доме. Матушка только вздыхала и охала про себя, когда в

доме появились печники и заезжий, приглашенный из самого Санкт-Петербурга инженер. Они с Демидом подолгу записались в кабинете, чертили какие-то схемы, жарко обсуждали некие, совершенно непонятные для пожилой дамы вопросы. Иногда приходилось по нескольку раз напоминать увлекшимся мужчинам, что обед подогревается уже второй раз, и если они немедленно не оторвутся от своего, несомненно, весьма интересного занятия, Мария Архиповна просто умоет руки.

Строгое высказывание имело успех, но через день или даже на следующий всё повторялось с точностью до мелочей. В конце концов, матушка просто махнула рукой, принимая эту их одержимость идеей как неизбежность.

И, это, пожалуй, было наиболее правильным решением, потому что проголодавшиеся мужчины сами тянулись в трапезную, где, наскоро похватав блюда, поданные служанкой, снова уединялись в кабинете.

Однако всё когда-то подходит к концу. Вот и инженер вернулся в столицу, а Демид принялся за реализацию их совместного проекта. И новая напасть случилась в доме. Теперь тут целыми днями суетились какие-то посторонние люди, за которыми, однако же, зорко наблюдали управляющий, экономка, да и личный слуга Акатьева, Иван, тоже не спускал глаз с наемных работников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.